

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОВЕТА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕВ СССР И РСФСР.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ВАГРИЦКОГО, А. ВОЛОТНИКОВА, М. БОЛДОВА, В. ЛЯДИНА, А. СЕВЯНОВИЧЕВА, Д. СЕВЯНОВИЧЕВА, М. СТУРКОВА, М. СЕРЕБРЯНСКОГО И М. ЧАРНОГО. Д. УСНЕВИЧ.

№ 11 (326)

2 ФЕВРАЛЯ 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПИСАТЕЛИ И ЧИТАТЕЛИ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Из высказываний М. И. КАЛИНИНА о литературе

XVII

★ В вечернем заседании 29 января в прениях по отчетному докладу ЦК ВКП(б) выступили тт. САРКИС (Донбасс), НОСОВ (Ивановская обл.), горячо встреченный съездом т. ОРДЖОНИКИДЗЕ, председательница колхоза «Новый путь» т. БОБРОВА и встреченный аплодисментами т. МИКОЯН.

Выступления тт. ШУБРИКОВА (Ср. Волга), ШАПОШНИКОВОЙ (Ленинград), АНТИПОВА (ЦК—РКИ, Андриянов), С. КОСИОРА (УССР) и РЫКОВА (Наркомсвязь) заняли утреннее заседание 30 января.

★ Тов. РАЗУМОВ (Вост. Сибирь) был первым оратором вечернего заседания 30 января. К. НИКОЛАЕВА огласила приветствия братских компартий Польши, САСШ, Франции. После речи т. ЮРКИНА (Наркомхозов) выступил встреченный бурными овациями т. ВОРОШИЛОВ, конец речи которого выплыл в грандиозную манифестацию всего зала.

ПРОГРАММА РАБОТЫ

★ ЗАСЛУШАВ ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД Т. СТАЛИНА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦК ВКП(б), XVII СЪЕЗД ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. ОДОБРИТЬ ЦЕЛИКОМ И ПОЛНОСТЬЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЛИНИЮ И ПРАКТИЧЕСКУЮ РАБОТУ ЦК ВКП(б).
2. ОДОБРИТЬ ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД Т. СТАЛИНА И ПРЕДЛОЖИТЬ ВСЕМ ПАРТИОРГАНИЗАЦИЯМ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ В СВОЕЙ РАБОТЕ ПОЛОЖЕНИЯМИ И ЗАДАЧАМИ, ВЫДВИНУТЫМИ В ДОКЛАДЕ Т. СТАЛИНА.

Каждое слово этой резолюции съезда партии войдет в историю, как замечательное выражение силы и единства партии Ленина, ее безграничного доверия своему Центральному комитету и руководителю партии тов. Сталину. В нескольких фразах резолюция съезда заключено громадное содержание итогов пройденного пути и одержанных партией исторических побед, в них заключена великая программа, дан маршрут дальнейшего продвижения вперед.

Тов. Сталин в своем докладе XVII съезду с громадной исторической силой и глубиной, которыми обладает только он, великий вождь трудящихся человечества, дал анализ состояния мировой экономики и политики, вскрыл их существование, подвел итоги пройденному революционной борьбе, начертал ее перспективы и задачи. Доклад т. Сталина является программой работ великой, но вместе с тем совершенно конкретной, основанной на всей сложнейшей совокупности и силе пролетарской солидарности, но вместе с тем доступной и понятной каждому трудящемуся, каждому рабочему и колхознику. Для всего дела мировой революции и вместе с тем для каждого звена, для каждого участка социалистической экономики для каждого отряда рабочего класса доклад вождя выдвигает четкие задания, ясные перспективы.

Совершенно необходимые возможности открывает (а, следовательно, и выдвигает дальнейшие задачи) доклад т. Сталина для советской литературы. Именно этим объясняется тот громадный интерес, который вызвал этот доклад в среде писателей. Совершенно по-новому встает в свете речи тов. Сталина творческие споры, проблемы и задачи нашей советской литературы, величайшие темы звучат к себе литераторов, но вместе с тем с еще большей ясностью видно отставание литературы от действительности.

Доклад т. Сталина является образцом научного анализа нашей действительности. На згубо конкретном материале, в яркой, местами высокохудожественной форме, вождь нашей партии, вождь мирового пролетариата показал, что подлинный марксистско-ленинский творческий подход к анализу действительности, высшая школа из пылкого и вымучивающего их решения. Но доклад учил нас, с другой стороны, что и упрощенный подход к вопросу, игнорирование глубокого изучения того или иного объекта, материала и т. п. — ведет к упрощенному, вульгаризированному и, следовательно, неадекватному и вредному выводу.

Все это тов. Сталин ярко показал на разборе вопроса о равенстве и высшей форме колхозного движения. Изрядная путаница существовала в нашем понимании этого вопроса. Считают, что объективный анализ основной формы колхозного движения, партия отделилась от коммунизма, от высшей формы колхозного движения — к низшей. Тов. Сталин блестяще показал, на чем основаны подобные «опасения». Только защитники мелкобуржуазной уравниловки, людям, которым органически чужда идеология революционного пролетариата, могут ставить вопрос о подобном отходе. Между тем, и Маркс, и Энгельс и Ленин всегда подчеркивали, что реальное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию уничтожения классов. В ярком свете выступает в связи с этим вопрос о движении трудового крестьянства к коммунизму. Только сельхозартели «удачно» приспособляют личные бытовые интересы к общественным интересам, облекая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма. Так, и только так можно воспитать людей частного капиталистического общества в подлинных рабочих-коллективистов, членом тех будущих коммун, которые действительно являются высшей формой колхозного движения.

Разве этот раздел тов. Сталина не конкретный образец социалистического реализма, без которого невозможно развитие нашей художественной литературы? И разве все это не ответ на многие и многие проклятые вопросы нашего литературоведения, нашей критики и эстетики, философии? Категория перехода к коммунизму у нас слишком мало изучены, и доклад тов. Сталина должен вдохновить всех наших теоретиков на серьезную исследовательскую работу.

Раздел доклада тов. Сталина о равенстве также дает совершенно четкий ответ на имевшие в литературе место споры об искусстве и социализме, о том, является ли социализм неизбежной человеческой индивидуальности или, наоборот, он открывает для этой индивидуальности самые широкие просторы развития. В отличие от многих литературных критиков и теоретиков, ставивших этот вопрос в ответ на колебания отдельных групп писателей, в основном правильно, но схоластически, постановка вопроса тов. Сталиным предельно конкретна и убедительна.

На ясно ли, что и для литературы доклад т. Сталин является разрывной программой действия? Иной, например, вопрос о типе ра-

ботника, так блестяще и подлинно художественно данный тов. Сталиным. Где в литературе эти типы «вельможи», «заудалых дворян», «честных болтунов», о которых говорил т. Сталин? Кто из писателей сумел художественно разоблачить этих негодных работников, противопоставив им новых замечательных организаторов, деятелей и сотни тысяч которых выросли в нашей стране. Новый тип нашей эпохи — тип социалистического организатора — совершенно недостаточно показан в литературе, советские писатели находятся, если так можно выразиться, еще в поисках героя, а между тем этот герой уже реально существует и ежедневно творит замечательные дела!

Для того, чтобы он стал героем произведений наших писателей, меньше всего нужны ударные кампании по типу практиковавшихся РАПП или легкое порхание по поверхности. Не должны появляться такие скоропалительные «ударники пера», которые в три дня состряпали бы «по Мольеру» советского вельможи и еще не «остывшего» помесью бы его в издательстве и театры. Грош цена таким описам честных и бесчестных болтунов и пошляков, канцеляристов от литературы! Речь идет не о том, чтобы «откликнуться», а о том, чтобы вскрыть ведущие тенденции нашей действительности, помочь увидеть ее новые стороны, вскрыть остающиеся еще неразоблаченными недостатки. Речь — о том, чтобы окружить ореолом любви и уважения лучших людей нашей страны, советских «знатных людей» и убить презрением людей негодных, мешающих делу.

Для того, чтобы полностью разрешить эти задачи, надо стоять на уровне передовых идей нашего времени, надо неустанно повышать свой политико-теоретический уровень.

Проблема — весьма актуальная для наших писателей.

Ведь именно недостаточностью знания и неумением обобщать, отсутствием зоркости, т. е. слабостью всех тех качеств, которые необходимо писателю пролетариата, можно объяснить тот факт, что почти ни одна из тем, десятками имеющихся в докладе т. Сталина, не поднята в должной мере нашими писателями. Хотя бы тема равенства. Или тема «знатных» людей прошлого и настоящего; тема уничтожения нищеты и эксплуатации, тема науки, культуры и т. д., и т. п. Естественно, что здесь дело не только и не столько в книжном изучении объекта, сколько в активном включении в практику, в самый процесс творчества новой жизни.

Доклад т. Сталина зовёт наших писателей к овладению всеми этими темами, к глубокому изучению действительности, к правдивому ее изображению и к активному на нее воздействию.

Реализация положений и задач, выдвинутых в докладе т. Сталина, поднимает нашу литературу на новую, более высокую ступень идеологии, более являющуюся в истории идеями и образами.

2 февраля

Создание «Истории фабрик и заводов», разрабатываемая по инициативе М. Горького, редакция подлинно большевистскими темами и принимает все более интересные и актуальные в собственно литературном смысле формы. Сборник «Шестнадцатый завод», вышедший в декабре 1933 года, представляет собой весьма любопытный образец выражения новых литературных форм под влиянием нового входящего в литературу материала.

Секретарь редакции «Истории заводов» в предисловии к сборнику пишет: «Центральной проблемой социалистического реализма — стоит перед работником «Истории заводов» во всей своей чистоте. Вопросы качества, в частности художественного качества, ставятся по главу угла. Вся дальнейшая работа должна идти под знаком всестороннего повышения требовательности к авторам, под знаком напряженного идеального и творческого роста».

Напечатанные в сборнике материалы к истории, представляют собой отчетливо видимую ступень к освоению громадного задания, стоящего перед редакцией.

Такими же материалами для будущей истории является сборник «Путь вперед в трех революциях», вышедший одновременно с «Шестнадцатый заводом». В сборнике собраны документы, иллюстрирующие участие рабочих завода в трех революциях. Эпиграф из Ленина, взятый Н. Поповым к его вступительной статье, как нельзя лучше характеризует путь, пройденный заводом, и цель книги. Вот он этот эпиграф:

«У нас было сорок тысяч на Путиловском, — говорил мне депутат

Незадолго до открытия XVII партсъезда, в последние дни заканчивавшейся IV сессии ЦИК СССР, у М. И. Калинин собрался руководители низовой советской работы — председатели сельсоветов и районных исполнительных комитетов.

Чтобы подойти к задачам совещания более конкретно и житейски, Михаил Иванович произнес речь, основной темой которой было:

«Что бы я стал делать, если был бы на вашем месте».

Конеч речи т. Калинин был целиком посвящен литературе.

Обращаясь к собравшимся, он сказал:

— Каждому из вас надо читать серьезную литературу.

К серьезной литературе я отношу и беллетристику. Ее я считаю тоже серьезной литературой. Организаторы должны хорошо знать издательскую литературу.

Председатель сельсовета, председатель районного исполкома — это же организаторы. Основная работа их — организаторская. Вы спрашиваете: почему им нужна издательская

литература — повесть, роман? Да потому, что вы там титлы встречаете. Ведь вы же с людьми имеете дело. Ведь вы же расстановкой членов человеческих сил занимаетесь. Если вы по литературе не знаете типов, не изучили все все изгибы человеческого мышления, то как же вы будете улавливать человека, находить, какие у него есть таланты? Когда организатор распределяет людей, он должен уловить,

что из человека можно получить. Организатор должен знать людей. Конечно, и личное знакомство, и наблюдательность — это это имеет значение. Но ведь это будет без фундамента, если можно так сказать, без академического фундамента. Если вы литературу изучите, да еще если вы ее изучите с марксистской точки зрения, сумеете анализировать эти типы, вам будет легче.

Я в вашем лице вижу подрастающие силы! Если кто из вас хочет идти вперед, выработайте из себя организатора, то нельзя обойтись без ознакомления с литературой, в том числе и с буржуазной. Бояться тут нечего. Мы — наследники всего лучшего. Мы от капиталистического мира берем все, что можно взять. Мы, наследники, идем дальше, а не назад. Поэтому нечего бояться буржуазной литературы, только с головой нужно читать».

Я говорю: культурность и широкий кругозор. А это значит уметь охватить все в целом и на основе этого целого продумать все, — заканчивает М. И.

Резолюция, поддержанная миллионами

ТРУДЯЩАЯСЯ МОСКВА НА ДЕМОНСТРАЦИИ

На утреннем заседании съезда партии 31 января лучшие люди страны ураганной овацией голосовали за историческую резолюцию, полностью одобряющую деятельность ленинского ЦК.

К концу дня за генеральную линию большевистской партии, за любимого и великого Сталина голосовала и вся пролетарская столица.

Трудящаяся Москва голосовала замечательной, стихийной и мощной демонстрацией.

Эта демонстрация не была похожа на праздничные шествия в октябрьские и майские дни, к которым фабрики и заводы готовятся за полтора-два месяца. Улицы Москвы не были празднично одеты в купаль дозвонков и транспарантов. Не блистали оформлением шеренг демонстрантов. В этот день на скорую были написаны лозунги со словами горячих приветств и большевистских клятв — не сдавать темпов.

Макеты продукции заводов и фабрик, модели аэропланов и станков, портреты вождей и множество острейших карикатур на врагов за рубежом были вынесены из клубов и красных уголков.

Но не в оформлении дело. Демонстрация была замечательна тем настроением гордости, бодрости и веселья, с которым шли четким маршевым шагом рабочие, vezetки, летчики и трамвайщики, вузов-

ны и машиностроители — из Сокольников, Красной Пресни, Замоскворечья...

На Красной площади выстроились лучшие ударники фабрик и заводов Москвы.

Места на трибунах у мавзолея заняли делегаты XVII партсъезда.

На правом крыле гранитного мавзолея тт. Сталин, Каганович, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Косиор, Микоян, Постышев, Рудзутак, Шверник, Енукидзе, Хрушев и другие члены президиума съезда.

Площадь черна от людей, красна от знамен...

«Все страна, большевики и беспартийные трудящиеся готовятся к съезду партии. И здесь среди ударников Москвы, на этом открытом заседании съезда — тысячи лучших беспартийных рабочих, завоевавших ударным трудом почетное право быть на митинге».

В 4 ч. 20 м. митинг смычки рабочего класса с его авангардом — партией большевиков — открывает т. Хрушев.

«Трудящиеся Москвы, — говорит он, — готовы для дальнейшей победоносной борьбы за выполнение решений партии, борьбы под руководством нашего ленинского Центрального комитета и вождя партии и рабочего класса т. Сталина».

Артиллерийским залпом звучит многоголосое «ура!»

Первым поднимает слово лучший машинист Союза т. Струков:

«Мы, пролетарии Москвы, видя и повседневно ощущая величайшие победы, с которыми партия пришла к своему XVII съезду.

Автор неизменно спокоен в повествовании о явлениях, способных вызвать ярость, ужас, негодование. Этот второй роман о японской армии — первым был «Подвиг» Ланин — свидетельствует подлинно интернационального характера, который принимает советская литература».

Особенно важно в романе умение автора отбирать и омысливать детали в их классовом существе. В романе нет нейтральных вещей. Классовая борьба в нем совершается всегда из-за реальных жизненных поводов, всегда полнокровна, всегда напряжена. Техника фабрики, ковчег национальных героев вскрыта с уничтожающим сарказмом во всей ее классовой и национальной специфике. Соотношения между реальным течением событий и их романтической формой, данное в романе без пафоса и излишней диалектики, выдвигает во много раз убедительнее, чем комментарии, которые могли его заменить. Роман является бесспорно, событием текущего литературного года. В следующем номере нашей газеты мы дадим развернутый его анализ.

ДЕЛЕГАТЫ ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА О СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

П. Е. ДЫБЕНКО, командующий Приволжским ВО

СОЗДАДИМ КНИГИ, ДОСТОЙНЫЕ НАШЕЙ АРМИИ И ФЛОТА!

Есть ли в нашей художественной литературе произведения, которые со всей ясностью, конкретностью дали оценку царской армии и морского флота? Есть ли у нас книги, которые ярко выявили бытовые условия солдат и матросов старой армии, их серой, подпольной жизни, произведений, где были бы показаны типы старого офицерского состава и палочная дисциплина царской армии?

К сожалению, я не вижу пока такой художественной литературы. К лучшим произведениям советской литературы в этом отношении я отношу «Капитальный ремонт» Л. Соболева. Эта книга очень полезна не только для начсостава, но и для красноармейца и краснофлотаца.

Когда я читал «Капитальный ремонт», то лично переживал всю свою семилетнюю службу в царском флоте изо дня в день. Мне казалось, что я снова на корабле, что я вижу всю эту кошмарную подпольную жизнь моряка.

Л. Соболев художественно и правдиво показал в своей книге быт царского флота, нарастающее негодование матросов, выявил организующее начало большевистских ячеек. Тут же красочно показаны типы господ офицеров, начиная с командира корабля. Этот герой романа Соболева в точности скопирован с командира корабля — капитана первого ранга Небольсина — который я служил в Балтийском флоте. Это была гнусная, ничтожная личность. Он видел в истребленную не что иное, как червь, зараженную крамолой. Он умир, издеваясь над матросами, но сам являлся бездарностью во флоте. Этот тип старого офицера ярко показал Соболев.

Тут же я вспоминаю такие фигуры, как капитан второго ранга Гетнер, лейтенанта Ланге — гнусный тип сыщика, который фигурирует в произведении писателя.

Правда, Соболев дал тип более либерального лейтенанта, коего предвидящего в будущем и оценивающего матросов уже не как серьезную силу. Наконец, также ярко показан тип механика с демократическими настроениями, который среди «белой кости» офицеров считался случайным человеком; он внешне старается защитить матросов, но не умеет выявить себя, как организатор. Правильно дан и тип гардемарина — выдвинутого барчона.

От имени съезда отвечает т. Киринский.

Заключительные слова его речи: — Да здравствуют рабочие нашей великой красной столицы — Москва».

— Да здравствует рабочий класс Советского союза, ведущий за собой многомиллионное колхозное крестьянство.

— Да здравствует руководительство всех наших побед — наша слава, несокрушимая, великая, единая коммунистическая партия, ее XVII съезд, ее славный негибаемый великий руководитель и стратег т. Сталина, — покрываются бурной овацией».

Идем вниз по Тверской в свечной колонне Мосгоркома писателей. Впереди нас идут трехгорцы. В руках у каждого ткача пакет с вытканым портретом тов. Сталина.

Быстрым, вознизированным шагом подходим к Красной площади. Она встречает нас медными звуками военного оркестра.

Все головы направо, все взоры туда, где на гранитной трибуне стоят вожди. Мы узнаем их лица, так знакомые нам по портретам — т. Сталин, рядом Ворошилов, Каганович, Молотов...

Рупора повторяют слова лозунгов и приветствий. Золотистые лучи прожекторов заливают площадь ярким светом.

В лучах кружатся тяжелые и мокрые снежинки.

А колонны идут и идут. В 7 ч. 10 м. закончилась демонстрация, в которой участвовало свыше миллиона трудящихся Москвы.

Рабочий класс приветствовал 31 января свою партию, своего великого и любимого Сталина.

★ Прения по отчетному докладу ЦК ВКП(б) были закончены в утреннем заседании 31 января; в них выступали тт. ПРЕБРАЖЕНСКИЙ, ШВЕРНИК (ВЦСПС), КАБАКОВ (Свердловская обл.), ТОМСКИЙ и КИРОВО.

★ Слова т. Постышева «Заключительное слово представляется т. Сталину» тону в иванданном взрыве аплодисментов. Несколько минут длится восторженная овация. В связи с тем, что прения на съезде выявили полное единство взглядов наших партийных руководителей и что никто из них не было никаким т. Сталин от заключительного слова отказывается. Новая буря оваций.

★ Утреннее заседание 1 февраля открылось отчетным докладом т. Рудзутака о работе Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б).

Ственник являлся лишь более законченной фигурой, воплощая собой весь дегенератив, бездарность царского офицерства.

Все то, что являлось деспотическим в царском флоте, Новиков-Прибой выявил, по-моему, далеко не полностью. А ведь 1904—1905 гг. в Балтийском и Черноморском флоте являлись богатым материалом по подготовке волны нарастающего революционного движения в царском флоте.

Что на сегодня нужно от писателей?

Мы строим социализм, вооружая весь рабочий класс, все колхозное крестьянство, в том числе и нашу рабоче-крестьянскую Красную армию классово ненавистью к старому строю, к капитализму.

Наряду с высокой постановкой марксистско-ленинского воспитания бойца и командира в помощь ей должна идти наша художественная литература.

Советские писатели должны дать произведения, которые отобразили бы картину кошмарного прошлого и героическую борьбу Красной армии на фронтах гражданской войны и в наши дни.

Наша Красная армия не только готовится к обороне страны, но также является передовым вооруженным авангардом, но это — армия, которая ежегодно дает стране дисциплинированных, физически и практически подготовленных для участия в социалистическом строительстве работников.

Если Максим Горький поставил перед литераторами задачу — дать в художественной литературе историю новых гигантов, заводов и коммун, то в не меньшей степени эти произведения требуются и о Красной армии. Наша армия проявляет героизм не только во время жестоких битв гражданской войны. Сегодня наши бойцы и командиры проявляют такой же энтузиазм и героизм под руководством своего железного наркома Ворошилова по овладению техникой, марксистско-ленинскими знаниями.

Разве не время литераторам и художникам взглянуть в нашу советскую казарму, где бьет ключом культурная жизнь?

Писатели, взгляните в нашу красную казарму! Взгляните на нашего младшего командира. Разве он похож в какой-либо степени на бывшего унтер-офицера по своему культурному развитию? Ни в коей мере. Это — исключительно сознательный боец РККА, подтянутый, политически грамотный. Он теперь уже не ходит в засаленной гимнастерке. У него постоянно выдвезется белый воротничок. И это не только внешний вид. У него выработалось глубокое внутреннее содержание, мысли о том, чтобы выполнить задачи, поставленные партией и вождем Красной армии т. Ворошиловым.

У нас есть и недочеты, которые мы по-большинству критически вскрываем. Но возможно, что мы иногда и не подмечаем их. А разве здесь литераторы, художники не смогли бы эти недочеты выявить, художественно запечатлеть и облегчить этим каждому бойцу исправление этих недочетов?

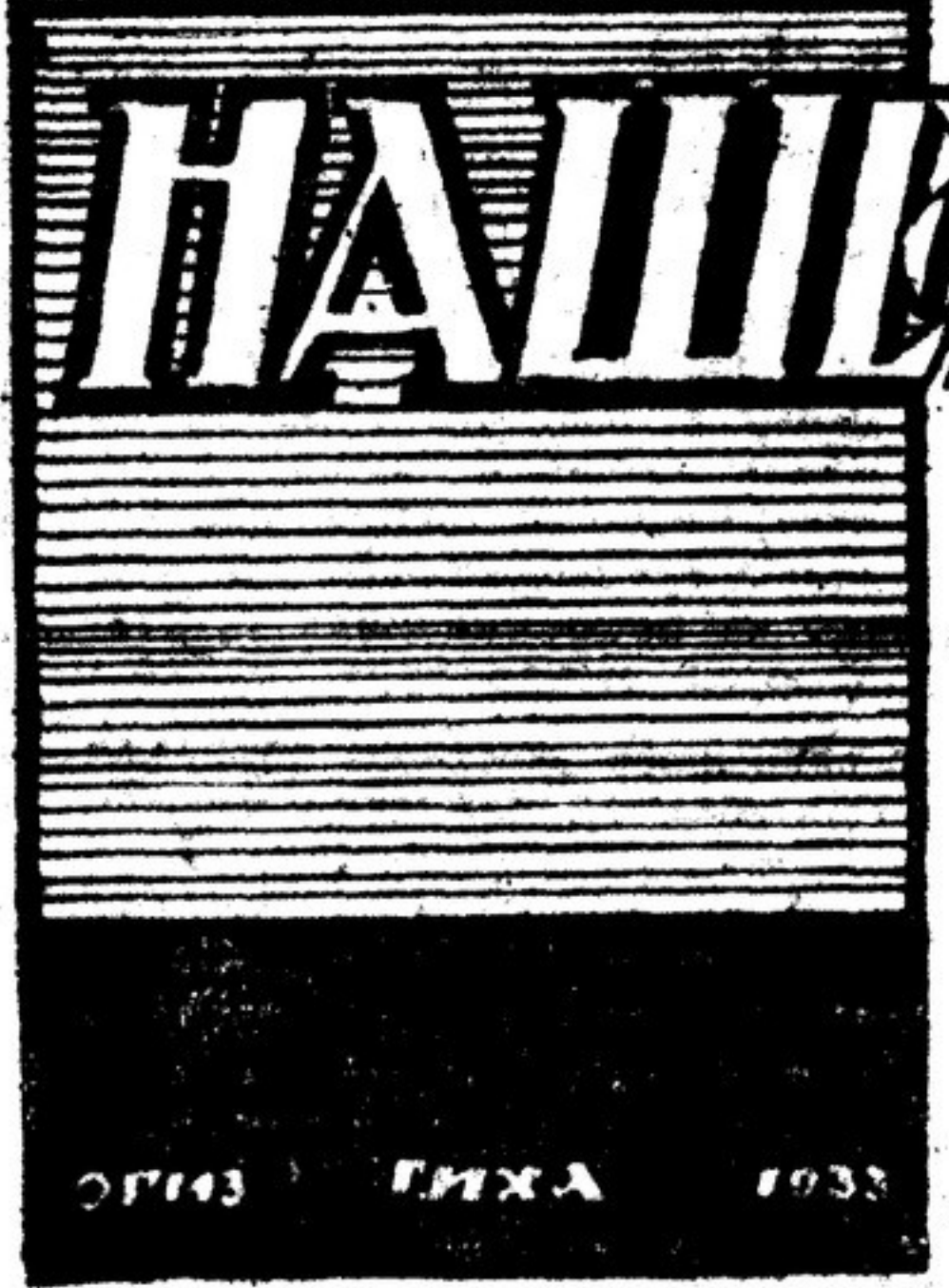
Разве у нас в Красной армии сегодня нет тысяч Изотовых? Они есть! Но кто о них написал?

Дело наших писателей (а их имеется целая плеяда) — дать нам, передовому вооруженному авангарду, как можно скорее нужную нам, как воздух, художественную литературу о Красной армии.

На снимках: вверху по середине — Красная площадь, 31 января; вверху справа — на трибуне мавзолея; внизу справа — колонна писателей; слева — идут трехгорцы и демонстрация выходит из Дома Герцена.

КНИЖКИ МОЛОДЫХ

Наше поколение

Заявляем

Наше поколение — поколение радостных завоевателей будущего. Наши дни — это сатиры воли победившего класса, их не смоят столетия.

И потому радостно жить в эти дни, потому радостно создавать, что все наши действия, даже самые малюсенькие, не проходят бесследно, что они осязаемы, что они нужны, что все они сливаются в накаленный поток единой воли, воли класса, сократившего путь будущему.

Этим сознанием пропитаны основные произведения молодых писателей, объединенных сборником журнала «Октябрь» «Наше поколение».

Этот тот стержень, который прошел сквозь почти все рассказы, стихи, повести и очерки, вошедшие в сборник.

Каждый автор по-своему, на своем материале, одним лучше, другим слабее, говорит о крови и плоти наших дней, о людях, разбросанных по всему простору Союза, но соединенных единой системой кровообращения.

Завод, заволакуемая станция, удрученная пустыня, молодой колхоз, тонкие болота Дальневосточной республики, Монголия и Вена — вот откуда собрали свои материалы своих людей авторы «Нашего поколения».

Ведущий тон сборника наиболее отчетливо дан в рассказе В. Уткина «Наша дорога». Молодость героя рассказа звучит молодостью нового поколения. Его полон и Митрич — старый рабочий. Она звучит в интонациях Семеновых его жены, она сверкает в гогазе, движениях, поступках Лины, его дочери. Радость от каждого глотка жизни звучит радостью новой эпохи, дерзостью — дерзостью классовой борьбы.

В этой органической способности дышать бодростью, глотать радость, ощущать стремительность наших дней — большое преимущество «нашего поколения» перед поколением тех писателей, которым нужно преодолевать в себе торозы прошлого. Но это же и обаявает молодых. Наши дни не только радостны, но и сложны. С ними не разоблачишься за панорами. Они требуют от писателя многого, требуют от писателя, чтобы он был безупречным орудием для вскрытия их глубин.

Полное жизненное соколовое дыхание обманывает к тому, чтобы в первую очередь сам носитель его предвзял к себе строгие требования, обеспечил свой рост теми запасами, которых требует вся сложность нашей действительности.

Маленький лирический рассказ Уткина не дает повода ни к тому, чтобы признать в нем волю творческую вооруженности, ни к тому, чтобы отвергнуть ее. Разрешение этого вопроса надо отложить до будущего, более сложных работ автора. Но уже этот опыт Уткина вселяет легкую тревогу за него. Озорная, веселая неприступность его стиха не имеет, да и перекочует в легкую клетчатость, особенно к концу рассказа, а кокетничать может по отношению к себе и нарочитости, и вычурности, и литературную манеру, которой страдают еще до сих пор некоторые, даже талантливые, советские писатели.

Простота, которая таит в себе тщательность работы, это высшая степень искусства, и овладеть ею гораздо труднее, чем жонглировать звонкими словечками, кокетничать ирриными недомолвками и выкидывать литературные трюки. Заставляет насторожиться еще один едва уловимый штрих в рассказе Уткина. Это его фраза: «Мы выжили в огонь и в землю все то, что нам, оглодекам, осталось в наследство от прошлого. Мы очистились от прошлого».

Если бы где-нибудь вслед за этим было слышно, что только оглодеки так расправляются со всем тем, что осталось от прошлого, тогда можно было бы пройти мимо этой мысли молодого автора. Но он ничем не предостерег от более расширенного толкования такого размытого обращения с прошлым. А символически освещением этой мысли на правом берегу Песчанки — он слушал реальность очертания этой дороги, как той именно, и только той дороги, через которую прошел первый обыв.

Очень близок Уткину Соловьев. Близок по ощущению нашей действительности, по определению места людей в ней, по сознанию силы того дыхания эпохи, которое раскрывает грудь самым незащищенным людям и усиливает бегство их плутов. Но совсем по-другому подходит к разрешению этой задачи Соловьев. На другом материале, другим методом, в другом тоне.

Бодроть отведена Соловьевым в гущу рассказа. С душой и пылкой он берет сначала тусклую жизнь железнодорожной станции, заброшенной в голод, далекой степи. Телеграфист Семен Семенович свел свои интересы к маленькому огороду, выращенному им с умывальным упрямством на песчаной почве. Он хохлит его, караулит, водит собак, чтобы расчистить похитителей моркови. Он выноживает, внимательно изучает шепек земли со следами грядок от сапог, найденный им на крыльце начальной станции, и сорится с единственной другой, заполозев в нем вода.

Начальник станции выискивает себе другую радость: он обивает каждое утро под крапом водопровода и ловит мышей для своего котла.

Вася Фокин, хоть и комсомолец, но обумало не-комсомолец, как говорит о нем Настя. Он крадет морковку по ночам у Семена Семеновича, пишет стихи на заборах и целуется.

Настя тоскует о больших делах, о большой жизни.

Одним словом, «маленькие все мы здесь, Вася, жаник», — подводит итог первой части рассказов Настя.

Это предвещает к рассказу дано автором в замечательном и нарочито выломом тоне. Такой прием был бы вполне оправданным, если бы автор не хватил через край в скрупулезном выписывании однообразных деталей. Поэтому весь рассказ его вытравил бы, если бы автор приблизил момент перелома, полного переорождения этих задушевных людей.

«Когда у человека большое дело, он сам большим становится. Широкий!», — говорит Настя, и автор оправдывает ее слова всеми остальными материалами рассказа.

Но, взяв умело начало разбега (после перелома на станции), Соловьев включает слишком стремительно включать скорости в погоню за сюжетом и сбивается с пути. Неубедительным становится эпизод с американцем, снятым с поезда. И для того чтобы стал очевидным весь героизм людей, гашивших паром на своих плечах, мадо второй раз читаться в то место, где они выбирают водный путь до заволва.

В художественном произведении как искусство, так и пересел — на спине. Чувство меры — одно из самых важных чувств художника.

Однако этот изрядный отнюдь не снижает достоинств рассказа. Соловьев сумел сказать правду и убедительно о том, как самые милые люди могут стать большими, как героический поступок глухой станции включается в героизм всего класса, как жизнь каждого из тех, кто хочет быть полезным революции, становится насыщенной и оправданной.

Дарование Соловьева — более отстоявшееся и более уверенное, чем дарование Уткина.

О героизме «малых дел» говорит и повесть Свирилова «Неведомая страна». В тайге, в болотах, группа инженеров и рабочих прокладывает путь для доставки пшеницы и риса. Русский, кореец, американец — они соединены единой волей, наиболее вниманье отдано автором американскому инженеру Томпсону. Его шатания, его рост, его созвездие как неразрывной части единого коллектива — основное в повести.

К сожалению, автором более убедительно дано колебание американца, чем моменты завершения и разрешения их. Тепло и правдоподобие в повести. Менее тщательно выписаны женщины. Повесть отягощена излишним рассуждением инженера с самим собой и со своим бывшим другом Рогулом. Однако противопоставление вымысла о Советском Союзе и действительности введено автором в повесть безумски успешно.

Свирилов таит в себе беспорочную потенцию роста, но требует больше строгости и тщательности в работе, чем он это сделал в работе над «Неведомой страной».

Несколько выбывает из тона трех упомянутых авторов Рулько в его рассказе «На краю».

«Тусклое, запальное солнце пустыни — Теббазу», — ветер тяжелый, душной и липкой подавляет человека. Мысли нет. Точно они расплавились от зноя и вытекли из череп».

Неразрешенный удручающий колорит всего рассказа заставляет звучать истерично последние в нем фразы: «Мне хочется выбежать из палатки и, разрывая рот, кричать в сырое и равнодушное небо. Кричать о том, что мы опять придем и, умирая, как Андрей, как Лябунт, как тысячи других, все-таки застаиваемся на нас жестоком, налеченном солнце».

Вместе с тем умение автора дать раскаленную воздуха, беспощадность горячих песков, расплавленность солнца говорит об его художественном даровании.

Значительно слабее всех приведенных выше произведений рассказ Ингобора «Ловец волчьих быков».

Погона за материалом, не изученным в самых недрях его, в непосредственном соприкосновении с ним, отдала за себя автору. Трагедия безработных в Европе не волнует в рассказе Ингобора больше, чем она волнует в нелепости тех же фактов в газете, а художественное произведение обывающе к большому.

Стихи, помещенные в сборник, требуют особого рассмотрения. Большинство из них, так же как и большая часть прозы, говорят о том, как много дает молодая страна полных и свежих дарований.

И вместе с тем сборник в целом говорит и о том, какой еще большой и углубленной работы над собой требуют молодые авторы.

О. КОЛЕСНИКОВА.

Растут молодые кадры художественной литературы. Новыми именами пополняются ряды советских писателей. Это особенно заметно сейчас, когда после долгого периода нашей интеллигентности, наконец, ряд отдельных книг и сборников молодых писателей. Может показаться, что все это только что появившиеся имена возникли из «небытия» сразу, как уже в какой-то мере оформившиеся художники — хотя бы так, как они представлены в книгах. Но это только может показаться. В действительности знакомство молодых писателей с широкой читательской аудиторией обходится предшествует длительному и кропотливому знакомству их с издательством. На сей раз речь идет не о прослушивании издательского бюрократами по отношению к молодым (он еще, к сожалению, тоже имеет место), а о редакционно-консультационной — очень ценной и нужной — работе издательства. Качество творческой — воспитательной работы журналов и издательства художественной литературы многократно, а иногда и резко оживилось и различилось в последние годы. Это связано с обновлением разнообразия обследований работы консультаций, рассмотрением их ответов авторам и т. п.

До сих пор эти методы изучения были бюрократическими, но нам думается, что на этот раз возникла возможность единственно правильной оценки творческой работы издательства с молодыми писателями в форме оценки творческой работы молодых писателей, выпущенной издательством. Художественное качество творчества молодых авторов, в которых работает издательство, — лучший критерий оценки содержания и характера этой работы.

С этой точки зрения мы и хотим взглянуть на творческую «заявку», сделанную группой молодых писателей через издательство «Советская литература».

Особенно интересна эта «заявка» еще и потому, что представляется в ней имена, в большинстве своем, действительные творческие, и непосредственное участие в работе принимала А. М. Горький.

Несмотря на количественно небольшую состав прозаиков — участников «заявки», проза его тематически и жанрово достаточно разнообразна. Мы находим здесь и рассказы («Побег» М. Булавина, «Гезка» Я. Тищенко), и отрывки из автобиографической повести «Из моей жизни» П. Юиффе, и очерк «Ахен под Москвой» М. Знаменского, и наконец, «Жизнь очерковой «дневник врача» — «Голоз» Ф. Фирсенкова.

Темы этих вещей — темы нашей удивительно интересной и богатой событиями жизни. Вслед за лучшими представителями старшего поколения советских писателей молодые авторы, придя из среды трудящихся, строители социалистического общества, принесли в литературу боевые темы, волнующие эти массы. В этом смысле логично, что в «заявке» не только сборник тематически правильно отражает основные линии жизни и борьбы рабочих и колхозников.

В автобиографической повести Юиффе — сложный процесс социального формирования молодого пролетария в условиях капитализма, у Булавина — гражданская война с белогвардейцами, у Тищенко и Знаменского — индустриальные предприятия, новое строительство, освоение, борьба за выполнение планов, у Фирсенкова — деревня, коллективизация, борьба за культуру, за ликвидацию собственногонической психологии крестьянина. Уже эта беглая расшивка сборника показывает, что авторы «Заявки» альманаха молодых авторов «Советская литература», М. 1934, стр. 168.

Никак не показывает, что авторы «Заявки» удачно нащупали нужные объекты и правильно распределяют свое творческое внимание.

Однако очевидно, что это не решает еще всей сложности стоящих перед молодыми писателями задач. Если в плане тематики «Заявка» представляет собой ценное органическое единство с правильным распределением света, то по уровню художественного мастерства книга весьма неуровня. Большинство произведений только свидетельствует о возможности, но еще не реализованности их. И указания А. М. Горького авторам книги намечают правильные линии дальнейшей литературно-творческой работы.

Нельзя сказать, что эти указания были уже достаточно использованы в процессе работы над вещами, напечатанными в сборнике, но зато в плане тематики и в области искусства — да, курс на серьезную работу, перелом и правку произведений, незамысловатых и только развивает верную линию консультаций на издательство, участие Горького в работе авторов «Заявки» значительно обогатило язык «Заявки», придало ему больше гибкости, яркости, простоты».

«Побег» Булавина — рассказ о бегстве группы красноармейцев из белого плена. Несмотря на название и действительную тему, рассказ не только лишен интриги, но почти лишен действия. Это рассказ истеричности и его можно было бы назвать лирическим. В этом — творческое своеобразие молодого писателя. Булавин держит курс на художественную деталь. Пусть это труднее, но у Булавина уже не безупречны. Детали показавшие у него отдельные стороны разных предметов. Связываются детали — оказываются связанными предметы, так получается картина.

П. Юиффе пишет, например: «Влая табуретки, бурно подпрыгивают скорняки». Горький возражает: «Оттакая, опрокидывая табуретки, бурно подпрыгивают скорняки». Таких примеров можно привести немало.

Июffe о том, как складывалось сознание рабочего-подползца. Умение подчеркнуть эту особенность на фоне общего и типичного надо отнести к несомненным достоинствам молодого писателя. Работая в этом направлении, автор сможет дать много интересного, если он будет и впредь писать только о том, что по-настоящему пережито, прочувствовано, понято, осмыслено. «Выдумки» и фантазия не удаются Юиффе.

Реалистичность творчества Фирсенкова, автора отрывков из дневника врача. Эти отрывки нужно отнести к наиболее интересным и законченным вещам сборника. Законченность их не столько в общей композиционной завершенности (это как раз нет), сколько во внутренней цельности и наполненности отдельных эпизодов, зарисовок, которые составляют дневник. Молодой автор обнаруживает умение показывать будничные факты с неожиданными и в то же время глубоко отражающими их суть сторон. Поэтому, например эпизод с умирающей женщиной Степановой выражает в большом и волнующем обобщении. Сложно социальное переживание старости и нового в деревне, и автор меланхолично и кропотливо, с художественным чутьем распыляет его. Новое у Фирсенкова выглядит молодо и жизнелюбно.

Яркий отпечаток хорошей молодости лежит на всем творчестве авторов «Заявки», в том числе и на стихах, которые тем не менее несравнимо слабее прозы. Выделяются в поэтическом секторе альманаха стихи Дремова, Киселева, Борондиной.

Целом сборник — хорошая заявка и авторов и издательства. Ее можно принять!

Г. БРОВМАН

По произведениям молодых поэтов и беллетристов «Рост» можно судить о том, насколько значительно творческие успехи ряда начинающих авторов, вошедших в советскую литературу во время, признания рабочих-ударников. Нужно сказать, что на стихах и рассказах альманаха лежит еще достаточно заметно отпечаток ученичества, но тем не менее положительной стороной рецензируемого сборника является определенный рост литературного мастерства.

Участники альманаха принадлежат к самому молодому поколению советской литературы. Еще не велик их жизненный и творческий опыт, и это отчетливо видно хотя бы на тематике их произведений, которым не хватает еще достаточной зрелости, глубины и проницательности. Но бесспорно стремление молодых авторов к глубокому и яркому показу в художественных образах эпоху социализма и ее героев, новых людей, растущих в практике классовой борьбы.

Живо и увлекательно написан рассказ С. Тарасевича «Пожваля». Он читается легко, а это — немалое достоинство художественного произведения. Тема рассказа — перерождение лодыря и прогульщика в передового работника. В рассказе много верных и метко схваченных деталей, неплохой диалог, но искусство и неправдоподобно сюжет. Отсюда неубедительность, схематичность и внутренняя противоречивость основного образа «Пожваля» — смазника Зуденкова. Гораздо лучше удалась С. Тарасевичу работница фабричной газеты Виноградова и Фира.

Но если С. Тарасевич не удалось показать художественно убедительно перелом в сознании и настроении своего героя, то в рассказе развернута определенная тема, видна четкая авторская мысль. К сожалению, этого не хватает в рассказе П. Тарнеева и А. Расчехина.

Эта неопределенность темы и неясность авторского замысла не могли не отразиться на литературных особенностях рассказа. «Чудак» и «В бурьян-метелицу» — наиболее слабые вещи прозаического отдела альманаха. Тема рассказа П. Расчехина очень неслучая. Колхозник Боринкин везет в район бывшего церковного старосту и кулака Вечеркина, арестованного по ложному обвинению в поджоге колхозного амбара. Обаятельный из колхозных кулаков Боринкин не был убит и, суровый, с трудом добрался до жилья. Рассказ А. Расчехина является запятой эпизодом классовой борьбы в деревне, но и только. В рассказе нет целиной идеи, четкой мысли, и читатель так же неясно, как и при чтении рассказа П. Тарнеева, что именно хочет сказать автор своим произведением.

Любопытнее и интереснее по материалу рассказ Я. Шинина «Девушка» о комсомолках, попавших в трудные бытовые и производственные условия на одной из подмосковных шахт. Рассказ Л. Шипилина также недоработан, изображенные в нем события и герои художественно не раскрыты до конца. Это скорее материалы к рассказу, а не законченное произведение. Примерно так же недостаточны характеристики рассказов Ник. Добровольского «Хозяин».

Живо передана сценка на гражданской войне М. Булавина «Девятый вал». Неплохо рассказ К. Шубина «Читальня» о комсомолке-учительнице, поставленной в трудные условия работы, преследуемой по ложным обвинениям, выполняющей свои коммунистические обязанности. Правильность рассказа К. Шубина в том, что, рисуя мрачные стороны деревенской жизни, он правильно указывает и способы ее преодоления, сличившись в образе Калегеровой преданности молодежи делу борьбы за социализм, делу партии. Написан рассказ Л. Г. Шубина о комсомолке, попавшей в трудные условия работы, преследуемой по ложным обвинениям, выполняющей свои коммунистические обязанности. Правильность рассказа К. Шубина в том, что, рисуя мрачные стороны деревенской жизни, он правильно указывает и способы ее преодоления, сличившись в образе Калегеровой преданности молодежи делу борьбы за социализм, делу партии. Написан рассказ Л. Г. Шубина о комсомолке, попавшей в трудные условия работы, преследуемой по ложным обвинениям, выполняющей свои коммунистические обязанности.

Интересна по своему сюжетному построению «Встреча» А. Тихонова, о классовой враге, пытающемся приспособиться к новым условиям.

М. С.

Александрова владеет этими качествами. Она счастливо объединяет в своем лице и чуткость к восприятию ребенка, и чуткость к подлинному литературному дарованию.

Сказывает это и на проблемах, которые она ставит в своих произведениях, всегда близких и понятных дошколенку, и в полном отсутствии какого-либо сюсюканья.

От выбора изобразительных средств, от системы образов Александровой веет хорошей свежестью. Она так раскрывает перед своим юным читателем предельно и их соотношение, что кажется, будто она сама пользуется зрением ребенка. В «Зиме» «ходит гуси босиком» («ведь жалко: мои ножки обуты, а гусины нет» — сказал один мальчуган), «должен стекла облизать», «кто-то пролил молоко в нашу речку синей», «сухарями хрустит майкины сандалячки», «будто солнце — большой волебольный мячик».

Александрова не останавливается перед некоторым усложнением поэтического условностей там, где ей диктует это ее творческий замысел.

И в образе полострой зернистый просторней, но нет в этих усложнениях надуманности, заумия, и нет бедности, что с некоторыми трудностями воспринимает это усложнение ребенок.

Эти усложнения произведений Александровой обогащают язык ребенка и, бесспорно, помогут ему перейти к подлинной большой литературе.

Характерно для творчества Александровой приближение ее к поэзии. Нам кажется, что вообще приближение к поэзии, т. е. к форме очень полного выражения эмоций, должно лечь в основу детского поэзии.

Поэзия не терпит сложности. В большинстве случаев она хоронична, и не случается хорей во многих стихах Александровой. Песенность ее вещей, ритм легко поддается музыкальному оформлению.

Александрова вводит в свои стихи рефрены, но не характерные для поэзии и, кроме того, хорошо подчеркивающие основную мысль вещи. Таков уже указанный рефрен в «Ветре на речке», таков рефрен в «Зиме»:

Будем санки пускать,
будем лыжи гонять,
будем смеял здоровой
попонара — подрастать.

В «Октябрьских песенках»:

Пятилетки первые ровесники,
мы поем веселые песенки.

Кроме того она вводит в свои стихи игровые приемы, загадки, в «Зиме» «Лето гуляло обогнуло», в «Зиме» «Гуляйте» найди диалог переключки:

Кто летает, как мячик,
мечет серпичий вой?
Наше дело ребячье —
уберечь их зимой.
А они нам за это
зорко сад сторожат,
от вредителях лета
сберегут урожай.
Ветер, русые стружки,
поджидая зиму,
мы готовим кормушки,
угадай — кому?

У Александровой подлинно детская интонация стиха. И вот здесь-то следует предостеречь его от застенчивости в одной и той же раз и в другой интонации. И над интонацией Александровой следует работать так же много, как и над некоторыми сырыми в подаче образах.

Основная тема Александровой — это новые бытовые и моральные нормы детского коллектива и оздоровительная работа в детской среде. Мы видим это, если возьмем только «Майку», увидим в показе коллектива и в показе интонации, с которой живет современная ребенок: «я хороший русский с трактора фаерного», и показе детских достижений: «ты наш стол не подводи, мы по супу вперед», а главное, в совершенно новом освещении детской жизни и в широко понимаемом оздоровлении детей. Вспомним, как туго, скучно и дидактично отражались эти вопросы в старой детской литературе.

Зубы, десны крепче три
и снаружи, и внутри.
Вопросы оздоровления — для малышей
определенного возраста —

По произведениям молодых поэтов и беллетристов «Рост» можно судить о том, насколько значительно творческие успехи ряда начинающих авторов, вошедших в советскую литературу во время, признания рабочих-ударников. Нужно сказать, что на стихах и рассказах альманаха лежит еще достаточно заметно отпечаток ученичества, но тем не менее положительной стороной рецензируемого сборника является определенный рост литературного мастерства.

Участники альманаха принадлежат к самому молодому поколению советской литературы. Еще не велик их жизненный и творческий опыт, и это отчетливо видно хотя бы на тематике их произведений, которым не хватает еще достаточной зрелости, глубины и проницательности. Но бесспорно стремление молодых авторов к глубокому и яркому показу в художественных образах эпоху социализма и ее героев, новых людей, растущих в практике классовой борьбы.

Живо и увлекательно написан рассказ С. Тарасевича «Пожваля». Он читается легко, а это — немалое достоинство художественного произведения. Тема рассказа — перерождение лодыря и прогульщика в передового работника. В рассказе много верных и метко схваченных деталей, неплохой диалог, но искусство и неправдоподобно сюжет. Отсюда неубедительность, схематичность и внутренняя противоречивость основного образа «Пожваля» — смазника Зуденкова. Гораздо лучше удалась С. Тарасевичу работница фабричной газеты Виноградова и Фира.

Но если С. Тарасевич не удалось показать художественно убедительно перелом в сознании и настроении своего героя, то в рассказе развернута определенная тема, видна четкая авторская мысль. К сожалению, этого не хватает в рассказе П. Тарнеева и А. Расчехина.

Эта неопределенность темы и неясность авторского замысла не могли не отразиться на литературных особенностях рассказа. «Чудак» и «В бурьян-метелицу» — наиболее слабые вещи прозаического отдела альманаха. Тема рассказа П. Расчехина очень неслучая. Колхозник Боринкин везет в район бывшего церковного старосту и кулака Вечеркина, арестованного по ложному обвинению в поджоге колхозного амбара. Обаятельный из колхозных кулаков Боринкин не был убит и, суровый, с трудом добрался до жилья. Рассказ А. Расчехина является запятой эпизодом классовой борьбы в деревне, но и только. В рассказе нет целиной идеи, четкой мысли, и читатель так же неясно, как и при чтении рассказа П. Тарнеева, что именно хочет сказать автор своим произведением.

Любопытнее и интереснее по материалу рассказ Я. Шинина «Девушка» о комсомолках, попавших в трудные бытовые и производственные условия на одной из подмосковных шахт. Рассказ Л. Шипилина также недоработан, изображенные в нем события и герои художественно не раскрыты до конца. Это скорее материалы к рассказу, а не законченное произведение. Примерно так же недостаточны характеристики рассказов Ник. Добровольского «Хозяин».

Живо передана сценка на гражданской войне М. Булавина «Девятый вал». Неплохо рассказ К. Шубина «Читальня» о комсомолке-учительнице, поставленной в трудные условия работы, преследуемой по ложным обвинениям, выполняющей свои коммунистические обязанности. Правильность рассказа К. Шубина в том, что, рисуя мрачные стороны деревенской жизни, он правильно указывает и способы ее преодоления, сличившись в образе Калегеровой преданности молодежи делу борьбы за социализм, делу партии. Написан рассказ Л. Г. Шубина о комсомолке, попавшей в трудные условия работы, преследуемой по ложным обвинениям, выполняющей свои коммунистические обязанности.

Интересна по своему сюжетному построению «Встреча» А. Тихонова, о классовой враге, пытающемся приспособиться к новым условиям.

М. С.

Альманах «Рост» — это альманах поэтического отдела альманаха «Рост» принадлежит к полному выросту и формирующемуся в условиях индустриального пролетариата и победоносных успехов социалистического строительства. В творчестве своем они, главным образом, рисуют облик молодого человека нашей эпохи, его чувства и переживания, его отношение к действительности, героическую борьбу молодежи за социалистическое общество. В этом ценности и достоинство лирических стихов Арк. Сухарева, Ю. Черкасского, Е. Дьячкова и др. В. Борондиной, В. Непомнящего и др.

В отделе поэзии надо в первую очередь указать на стихотворение А. Сухарева «Мой лучший стих», обращенное к сыну, которого еще нет. Искренне, тепло и с настоящим лирическим акцентом передаются ночные раздумья поэта; в них современность тесно слита с будущим.

Нельзя отметить также «Строевую» Ю. Черкасского, «Сад В. Непомнящего», «Зелень» М. Скородова, пропитанную лирическим иронией «Белые цветы» Ю. Дьячкова, «Судьба» С. Г. Липина, «Общая часть» В. Тугарева, «Сад Н. Истомина» и др.

Стихи В. Болотникова, Иа. Дремова и Ф. Канотова содержат немало удачных строк, но они также неровны по исполнению. Основное, на что нужно указать всем молодым поэтам, участникам альманаха, — это необходимость более тщательной работы над словом, над поэтической строкой.

Кроме стихов и рассказов в альманахе помещены критические статьи Л. С. Александровского, С. Кирилова, Н. Кавьянского и др. о творчестве молодых поэтов и прозаиков и статьи тт. Ник. Тихонова, К. Горбунова и М. Исаковского, посвященные разбору произведений начинающих авторов. Это весьма существенный отдел альманаха, оказывающий практическую помощь начинающим писателям и читающим.

М. С.

Альманах «Рост»

По произведениям молодых поэтов и беллетристов «Рост» можно судить о том, насколько значительно творческие успехи ряда начинающих авторов, вошедших в советскую литературу во время, признания рабочих-ударников. Нужно сказать, что на стихах и рассказах альманаха лежит еще достаточно заметно отпечаток ученичества, но тем не менее положительной стороной рецензируемого сборника является определенный рост литературного мастерства.

Участники альманаха принадлежат к самому молодому поколению советской литературы. Еще не велик их жизненный и творческий опыт, и это отчетливо видно хотя бы на тематике их произведений, которым не хватает еще достаточной зрелости, глубины и проницательности. Но бесспорно стремление молодых авторов к глубокому и яркому показу в художественных образах эпоху социализма и ее героев, новых людей, растущих в практике классовой борьбы.

Живо и увлекательно написан рассказ С. Тарасевича «Пожваля». Он читается легко, а это — немалое достоинство художественного произведения. Тема рассказа — перерождение лодыря и прогульщика в передового работника. В рассказе много верных и метко схваченных деталей, неплохой диалог, но искусство и неправдоподобно сюжет. Отсюда неубедительность, схематичность и внутренняя противоречивость основного образа «Пожваля» — смазника Зуденкова. Гораздо лучше удалась С. Тарасевичу работница фабричной газеты Виноградова и Фира.

Но если С. Тарасевич не удалось показать художественно убедительно перелом в сознании и настроении своего героя, то в рассказе развернута определенная тема, видна четкая авторская мысль. К сожалению, этого не хватает в рассказе П. Тарнеева и А. Расчехина.

Эта неопределенность темы и неясность авторского замысла не могли не отразиться на литературных особенностях рассказа. «Чудак» и «В бурьян-метелицу» — наиболее слабые вещи прозаического отдела альманаха. Тема рассказа П. Расчехина очень неслучая. Колхозник Боринкин везет в район бывшего церковного старосту и кулака Вечеркина, арестованного по ложному обвинению в поджоге колхозного амбара. Обаятельный из колхозных кулаков Боринкин не был убит и, суровый, с трудом добрался до жилья. Рассказ А. Расчехина является запятой эпизодом классовой борьбы в деревне, но и только. В рассказе нет целиной идеи, четкой мысли, и читатель так же неясно, как и при чтении рассказа П. Тарнеева, что именно хочет сказать автор своим произведением.

Любопытнее и интереснее по материалу рассказ Я. Шинина «Девушка» о комсомолках, попавших в трудные бытовые и производственные условия на одной из подмосковных шахт. Рассказ Л. Шипилина также недоработан, изображенные в нем события и герои художественно не раскрыты до конца. Это скорее материалы к рассказу, а не законченное произведение. Примерно так же недостаточны характеристики рассказов Ник. Добровольского «Хозяин».

Живо передана сценка на гражданской войне М. Булавина «Девятый вал». Неплохо рассказ К. Шубина «Читальня» о комсомолке-учительнице, поставленной в трудные условия работы, преследуемой по ложным обвинениям, выполняющей свои коммунистические обязанности. Правильность рассказа К. Шубина в том, что, рисуя мрачные стороны деревенской жизни, он правильно указывает и способы ее преодоления, сличившись в образе Калегеровой преданности молодежи делу борьбы за социализм, делу партии. Написан рассказ Л. Г. Шубина о комсомолке, попавшей в трудные условия работы, преследуемой по ложным обвинениям, выполняющей свои коммунистические обязанности.

Интересна по своему сюжетному построению «Встреча» А. Тихонова, о классовой враге, пытающемся приспособиться к новым условиям.

М. С.

Пятилетки первые ровесники,
мы поем веселые песенки.

Потребители дошкольной литературы редко знают по имени своего, даже и любимого, писателя. Они редко знают и название книги. О любимой книге дошколенок спрашивает, указывая на 2-3 строчки, на какой-то сюжетный момент или функцию.

— Дай книжку, чтобы смеяться.

— Дай «голубые трусики, беленькие майки».

Книжки З. Александровой очень скоро сниклись с детской средой, плотно вошли в дошкольный материал ее книжек в дошкольный обиход. Ее «Майка» и «Ветер на речке» знакомы детям даже по названию.

Если в детской аудитории взять в руки «Ветер на речке», это будет сигнал к хорошему чтению рефрена «голубые трусики, беленькие майки» из отдельных строф книжки.

Но это не значит, что ребята восприняли только хорошо сложенный словесный образ; нет, этот образ связан с радостным и бодрым мироощущением, которым пронизаны все книжки Александровой.

Взрослый читатель, если когда и прочтет дошкольную книжку, редко оценит ее значение. Малыши и повзрослевшие покажутся ему «просто» книжки. Поэтому и детский писатель ставится в привычку «детской» литературы.

А между тем детский писатель для того, чтобы показать эти маленькие вопросы, чтобы сделать значимыми для детей зренья и жизни, деятельности, игры, движения глубже чувствовать, острее видеть, тоньше слышать, чем взрослый художник.

З. Александрова.

З. БАГРИЦКИЙ и Е. ШАБАД

ПЕСНИ РОВЕСНИКОВ ПЯТИЛЕТКИ

ИЗ ГРУДЫ ФАКТОВ...

Недавно берлинская «Фоссише дейтунг» поместила рассказ Макса Рене Гессе «Ефрейтор Ноттебома»...

„КУДА ИДЕТ ГЕРМАНИЯ?“

Такое название нового английского фильма производства В. и Н. фильма лимитед.

ХРОНИКА

Немецкое эмигрантское издательство в Амстердаме Киерло Фларга выпускает посмертный роман Якоба Вассермана «Третье существование Томаса Керкговена».

Рис. Ю. ГУРВИЧА.

Огромная задача создания советской исторической художественной литературы...

В старое время писатели ставили своего героя (выдуманного или подлинного) в центр совершающихся исторических событий...

Теперь писатели все больше и больше отходят от этого. Но этот отход от канона, принципиально правильный и оправданный...

Этим отчасти грешат, к примеру, и лучшие наши исторические произведения «Война и мир» и «Баррикады» Павленко.

Трудности здесь очень большие, и входить понятию, если такой выстраивать уклон, появляется в результате того, что писатель не справился с поставленными себе большими задачами.

Мне это кажется неправильной дорогой для советского писателя, работающего в области истории...

МАЛЕНЬКИЕ ГИГАНТЫ: ПОРТУГАЛЬЦЫ

И она тоже является сюда, чтобы — ведь это для моряка дело чести — выпить бренди в баре. И их суда тоже — ведь это дело чести для морской державы — бросили якорь у шанхайского порта.

Но они в расчет не принимаются. Их мало, и они так малы ростом, что любой американский матрос может их на плечо посадить, если бы они как-нибудь образовались в нем.

На окрестных футах и на фасаде их плавучего дома значится «N. R. P. Adamastor». Кто это ульявец? Тот ульявец, кто в конюшне «Луизаду»...

Судно республики Португалии «Адамастор». Прим. автора.

Турция) был издан в количестве полутора тысяч экземпляров, а статьи Понковского мировой войне после 1931 года не перерабатывались.

В. Саянов сделал героем повести морского офицера-неудачника, командира вспомогательного судна, и перенес центр тяжести на анекдотический эпизод занятия этим судном Южного порта (Новидомо, Трапезонда).

Полуито и на заднем плане есть небольшая картинка наступления русских войск на Трапезонду, отрывочные картинки из жизни черноморского флота до и во время войны.

Гирс нехотя воевать. Турки понимали, что шансы выиграть эту войну у них не большие, а потерять они могут много.

Вся эта поучительная своей пичливой откровенностью пересказка, касающаяся раздела Турции и цели мировой войны, конечно, так и осталась бы в тени дипломатических кабинетов, если бы не Октябрьская революция.

В этих местах импортеры банков совершаются посредством банковских счетов. Европейский банк по поручению поставщика препровождает фактуру шанхайскому банку на предмет инкассирования.

И сегодня еще в Шанхае столько же почти португальцев, сколько и англичан, но англичане господствуют над баками и большими торговыми домами, а португальцы, напротив, ведут лишь книги.

Их дочери служат продавщицами «Withaway, Laidlaw Co» или конторщицами в гостиницах и ресторанах, и благодаря своим связям...

Строго говоря, они вовсе не португальцы. Португалию они видели в последний раз в XIX веке и с трудом узнали бы ее, если бы сейчас вернулись.

Если вам эта профессия португальцев известна, вы можете убедиться от печального опыта. Вы видите, к примеру, в ресторане с любым знакомым, человеком любезным и приятным, дела которого как вам известно, находитесь в добротном состоянии.

Строго говоря, они вовсе не португальцы. Португалию они видели в последний раз в XIX веке и с трудом узнали бы ее, если бы сейчас вернулись.

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

Анекдот с визирем Южного порта рассказан Саяновым довольно подробно и убедительно. Сперенечить генералов, борясь их между собой за славу и орден, — довольно обычная вещь на войне.

Гирс встрепенул на прогулке английского посла. «Мистер... Мистер...» — zvolно-павно говорит Гирс.

«Она была турецкая армия и не сошла с Турции, а Константинополь в русские дипломаты, отлично понимая, что отобрать его у турков, если последние будут союзниками, будет как-то неудобно».

«Она была турецкая армия и не сошла с Турции, а Константинополь в русские дипломаты, отлично понимая, что отобрать его у турков, если последние будут союзниками, будет как-то неудобно».

«Она была турецкая армия и не сошла с Турции, а Константинополь в русские дипломаты, отлично понимая, что отобрать его у турков, если последние будут союзниками, будет как-то неудобно».

«Она была турецкая армия и не сошла с Турции, а Константинополь в русские дипломаты, отлично понимая, что отобрать его у турков, если последние будут союзниками, будет как-то неудобно».

«Она была турецкая армия и не сошла с Турции, а Константинополь в русские дипломаты, отлично понимая, что отобрать его у турков, если последние будут союзниками, будет как-то неудобно».

«Она была турецкая армия и не сошла с Турции, а Константинополь в русские дипломаты, отлично понимая, что отобрать его у турков, если последние будут союзниками, будет как-то неудобно».

«Она была турецкая армия и не сошла с Турции, а Константинополь в русские дипломаты, отлично понимая, что отобрать его у турков, если последние будут союзниками, будет как-то неудобно».

«Она была турецкая армия и не сошла с Турции, а Константинополь в русские дипломаты, отлично понимая, что отобрать его у турков, если последние будут союзниками, будет как-то неудобно».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

«Гирс нехотя слушал и думал о том, что великий визирь... очень напомнил чем-то неуловимым в лице и манерах того директора департамента, с которым дружил Гирс».

Валентин Прокопов „УРАЗГАЛИ“

Свою повесть г. Прокопов посвящает Семиречью наших дней, коллективизации среди казаков, переходу их на оседлость в обстановке ожесточенной классовой борьбы.

Автор проявляет знание казакского быта, людей, которых он описывает. Он умеет передавать своеобразие их разговорной речи.

Нельзя сказать, что повесть в форме, напоминающей сказку. Автор прибегает к рефренам, к повторениям одной из тех же фразы.

Встречаются выражения явно неудачные, свидетельствующие о том, что автору еще далеко придется поработать над языком своих будущих произведений.

Приведу несколько примеров: «Недалеко и гулко ушел Шух стогнуло выстрел: «Яркожелтые несотканные шелка падают с синевы в горы и слепят глаза».

В композиционном отношении книга сделана удачно. Если бы только следовало вводить в самый конец произведения эпизод с трагической гибелью байской дочери Куклыем, возлюбленной Уразгали.

М.П.И., 1933, стр. 119, п. 1.

Э. Распе „ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОНХГАУЗЕНА“

За время своего литературного существования барон Монхгаузен успел сделать таким же излюбленным персонажем, как Иванушка-дурачок в русском фольклоре, как образ лиси в фольклоре европейском.

Попыток перекладывать детям похождения знаменитого лиса было множество. Большинство из них отличалось большой свободой обращения с текстом Распе.

В китайском городе не приходится ставить на игровых в мяч выюков иберийцев, не приходится ставить и на борзых, которые гонятся за зайцем, приволивающим в дивные электрические игры.

Здесь, однако, между игроком и традициями лежит много тысяч километров. Китайцы наполняют трибуны и азартно выкрикивают имена Изигоиши, Эльзаза, Ульжанди и Аланчиби.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

ИЗ НОВОЙ КНИГИ ЭГОНА ЭРВИНА КИША

Тиренейская штермедия

Маденский господин в банке с явно выраженным китайским обильем говорит мне, что он позабыл о моем денежном переводе, чтобы я пришел завтра и вызвал его.

Интересно ознакомиться с басками и их игрой именно в Китае. Они двоюродные братья этрусков, единственных уцелевших первых жителей Европы.

Здесь, однако, между игроком и традициями лежит много тысяч километров. Китайцы наполняют трибуны и азартно выкрикивают имена Изигоиши, Эльзаза, Ульжанди и Аланчиби.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Маденский господин в банке с явно выраженным китайским обильем говорит мне, что он позабыл о моем денежном переводе, чтобы я пришел завтра и вызвал его.

Интересно ознакомиться с басками и их игрой именно в Китае. Они двоюродные братья этрусков, единственных уцелевших первых жителей Европы.

Здесь, однако, между игроком и традициями лежит много тысяч километров. Китайцы наполняют трибуны и азартно выкрикивают имена Изигоиши, Эльзаза, Ульжанди и Аланчиби.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Э. Распе „ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОНХГАУЗЕНА“

За время своего литературного существования барон Монхгаузен успел сделать таким же излюбленным персонажем, как Иванушка-дурачок в русском фольклоре, как образ лиси в фольклоре европейском.

Попыток перекладывать детям похождения знаменитого лиса было множество. Большинство из них отличалось большой свободой обращения с текстом Распе.

В китайском городе не приходится ставить на игровых в мяч выюков иберийцев, не приходится ставить и на борзых, которые гонятся за зайцем, приволивающим в дивные электрические игры.

Здесь, однако, между игроком и традициями лежит много тысяч километров. Китайцы наполняют трибуны и азартно выкрикивают имена Изигоиши, Эльзаза, Ульжанди и Аланчиби.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

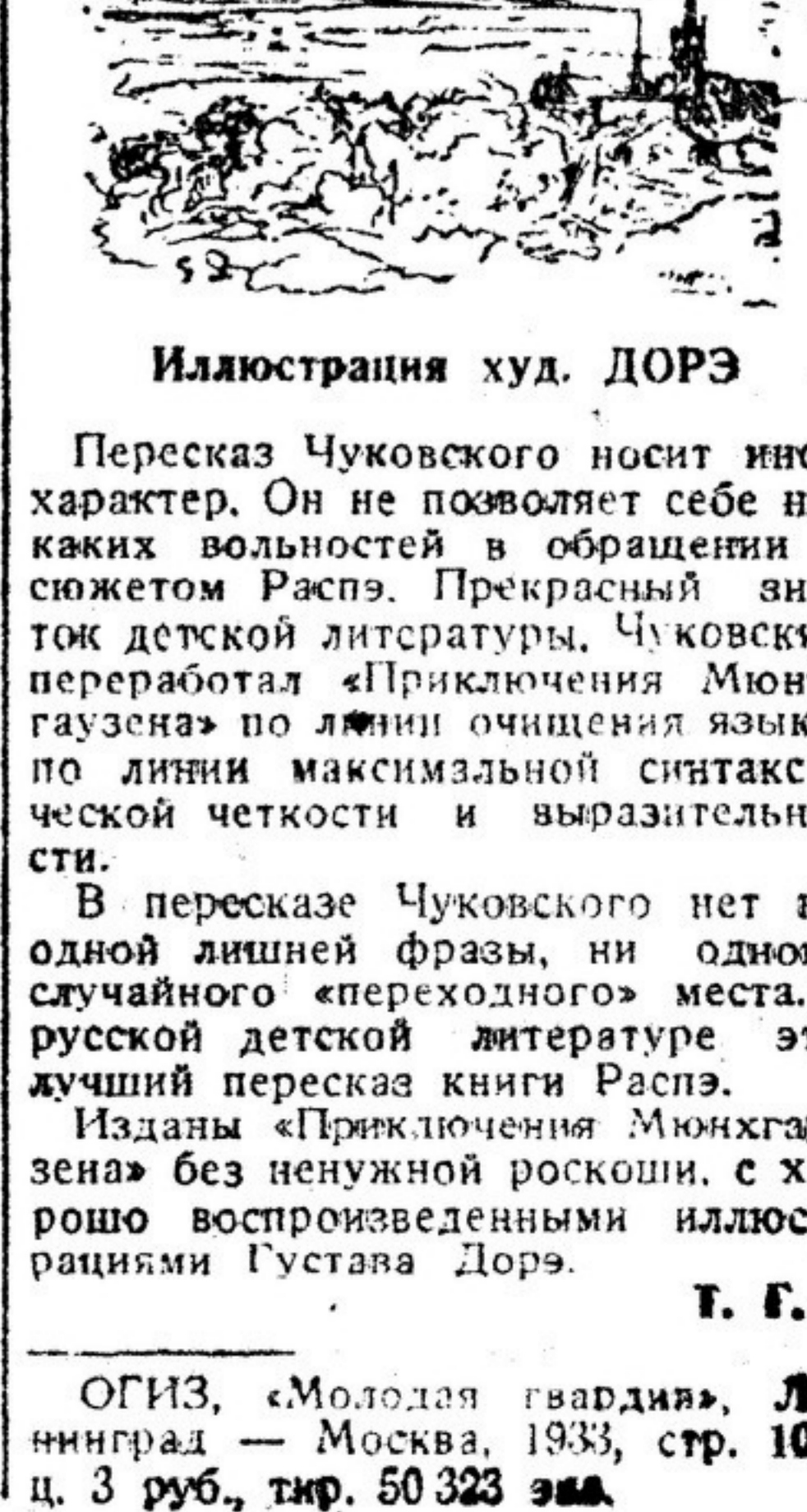
Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Место, где каждый вечер происходит состязание, напоминает призыв. Бетонные стены имеют шестидесят метров в длину, десять метров в ширину, десять метров в высоту.

Кордеса развалины. Чакса, долина Юканы...

Миллюстрация худ. ДОРЭ

